

Иван Рассказов

Тайны шаман-камня
Приключенческий цикл

СК
ОВРЕМЕННИКИ
И ЛАССИКИ

Современники и классики

Иван Рассказов

Тайны Шаман-камня

«ИП Березина Г.Н.»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Рассказов И.

Тайны Шаман-камня / И. Рассказов — «ИП Березина Г.Н.»,
2021 — (Современники и классики)

ISBN 978-5-906784-24-7

Приключенческий цикл «Тайны Шаман-камня» – это повести с элементами мистики и любовной драмы. «Тайны Шаман-камня» – это находка для любителей приключений и мистики. События разворачиваются в знакомой многим по фильму 1968 года таежной Угрюм-реке, куда главные герои прилетают на охоту. Необычайные приключения, мистические события и, конечно, любовь – не оставят равнодушными читателей любого возраста.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906784-24-7

© Рассказов И., 2021
© ИП Березина Г.Н., 2021

Содержание

Об авторе	6
Книга первая	8
Часть I	8
Глава первая	8
Глава вторая	9
Глава третья	11
Глава четвертая	12
Глава пятая	13
Часть II	14
Часть III	18
Часть IV	21
Часть V	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Иван Рассказов

Тайны Шаман-камня

© Иван Рассказов, 2021

© Интернациональный Союз писателей, 2021

Уважаемые читатели!

В этой книге напечатаны избранные работы для вашего ознакомления с моим творчеством. Я не буду перечислять, какие конкурсы и фестивали выиграли некоторые произведения из этой книги. Просто хочу коротко познакомить вас с ними.

«Тайны Шаман-камня» – это приключенческие повести с элементами мистики и любовной драмы, интересные читателям любого пола и возраста. В них рассказывается о приезде двух очень известных в мире литературы и журналистики москвичей к своему товарищу на охоту, на знакомую всем с детства по фильму Угрюм-реку. Там с ними происходят необычные и мистические события, которые наполовину присутствуют в реальной жизни таежных жителей. В данном случае – местного охотника тофалара Германа, названного в честь космонавта Титова, который сопровождает своих друзей для охоты на медведя. Но волею судеб они попадают в такие интересные и необычные приключения, о которых лучше прочесть вам самим...

Об авторе

Творческий псевдоним – Иван Рассказов. Окончил Московскую академию труда. Женат, воспитываю пятерых детей. Параллельно занимаюсь общественной деятельностью, благотворительностью. Неоднократно избирался депутатом городской Думы. Инвалид труда. Член Президиума Иркутской региональной организации Всероссийского общества инвалидов. Член правления Московского офиса Интернационального союза писателей.

Во время своей работы на предприятиях за активную общественную деятельность награжден орденами и медалями, а также имею поощрения – более ста грамот и благодарственных писем.

Награжден международной медалью имени Адама Мицкевича, учрежденной Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) и Интернациональным союзом писателей; дипломом «За вклад в развитие современной русской литературы и сохранение русского языка» оргкомитетом премий «Народный поэт» и «Народный писатель» (Москва, 2013).

С рассказом «Саласпилс. Концлагерь Кунтергоф» стал финалистом премии «Народный писатель» (2013). В марте 2015 года удостоен звания лауреата Национальной литературной премии – «Писатель года». Финалист премии «Народный писатель» (2014). За рассказ «Ангелы» получил огромное количество благодарностей и отзывов, в том числе от руководителя Фонда социально-культурных инициатив Светланы Медведевой. Лауреат, финалист и номинант более 17 литературных премий.

Публиковался в изданиях Московской организации Союза писателей – журнале «Российский Колокол», в альманахе «Российский колокол» Интернационального союза писателей: «От сердца к сердцу», в русско-шведском, русско-японском и итальянско-российском сбор-

никах, в российских сборниках: «Проза» (том 9), «Писатель года-2013» (том 5), «Писатель года-2014» (том 8), «Российские Писатели» (том 5), «Наследие» (том 7), в альманахе «Георгиевская Лента», посвященном 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, в приложении «Российской газеты» – журнале «Регион», региональном журнале «Любимый Край», местных – газета «Ленский шахтер», «Пилигрим», журнале «Бодайбинская Панорама», «Бодайбо – золотая столица Сибири», в книге, посвященной 100-летию юбилею города «Город на Витиме».

Изданы книги из серии «Таежные повести»: первая – «Таежные приключения», вторая – «Тайна Шаман-камня», третья – «Избранное», четвертая – «Стихи и проза Ивана Рассказова». Выпущен аудиодиск на студии Интернационального союза писателей и радиогазеты «Московская Правда».

Являюсь корреспондентом журнала «Российский колокол», учрежденного Московской городской организацией Союза писателей России. Во время майдана на Украине бился при помощи пера с фашиствующими писателями Украины на анти-майдановском издательском сайте Олеси Бузина с публикациями «Не пейте, хлопцы, из Евроболота, не то козлятами станете» (№№ 1, 2, 3) и другими.

Особенное внимание в своём творчестве уделяю судьбам детей, сирот-инвалидов. Пытаюсь своими рассказами привлечь как можно больше внимания к их тяжёлым жизненным проблемам, разбудить в сознании людей чувство толерантности по отношению к тем, кто нуждается в нашей заботе и защите.

Книга первая

Хранители Шаман-камня

*Посвящается моим московским товарищам, писателям,
журналистам Александру Гриценко и Никите Митрохину*

Часть I

Глава первая

Самолет, оторвавшись от земли, с громким воем начал вгрызаться в небо. Мне казалось, что вибрация и рев в салоне старенького АН-24 напугают всех пассажиров, но, внимательно присмотревшись, понял: летят со мной люди привычные. И учитывая, что Иркутск с Бодайбо связывает этот единственный вид транспорта, успокоился и начал наблюдать в иллюминатор за удаляющейся от нас землей, не заметив, как в скором времени заснул. Неожиданно из видавшего виды динамика прямо над моим ухом раздался хрипящий голос стюардессы, возвещающий о начале посадки, от которого я сразу же проснулся и пришел в себя. Ан-24 по годам, наверное, мой ровесник, сделал разворот и плюхнулся прямо в жидкую грязь аэропорта города Бодайбо, разбрызгивая из-под брюха тысячи брызг во все стороны. Я перекрестился, разбудил сидящего рядом со мной моего московского товарища Никиту и начал включать мобильный телефон. Единственное, что мне хотелось поскорей увидеть, – это Витим. Угрюм-река, какая ты? – вертелось у меня в голове. Столько слышал от Германа об этой красивой и таинственной северной реке, а также увиденный мной в детстве фильм с погоней в тайге и золотой лихорадкой только подогревал мой интерес к этой реке и окружающей ее природе. Встречающий в аэропорту нас старый знакомый Герман сразу же предложил поехать с ним на медведя. Он накануне положил у себя на охотничьем участке пахучую приманку для ходившего возле его зимовья и пугающего людей и собак хищника. И был уверен: медведь уже ее нашел, и надо торопиться, чтобы успеть засветло добраться вверх по Витиму до зимовья для встречи со зверем. Герман был местным предпринимателем, охотником, рыбаком и выходцем исчезающего малочисленного северного народа, тофаларов, представители которого проживают оседло, в основном, в Нижнеудинском районе и только некоторые из них, как Герман, были разбросаны от корней своего родства по всей нашей необъятной стране. Не откладывая дело в долгий ящик, мы втроем – я с Никитой и Герман – поехали из аэропорта на лодочную станцию, где нас ожидал катер «Крым». Мы загрузились в него втроем и с двумя лайками Бураном и Байкалом довольно быстро пошли вверх по реке. Вы не поверите: чем выше мы подымались по Витиму, тем больше росло в моей груди восхищение окружающей меня вокруг природой. Мягкий ковер леса резко менялся на рваные скалы, уходившие вверх своими еще не растаявшими на вершинах снегами. Дикая первобытная природа зачаровывала своей красотой, и в груди возникало чувство, которое, наверное, испытывали наши потомки, древние люди, идущие за добычей на охоту и не знавшие, что их ожидает впереди. «Если нам повезет, – сказал Герман, – за той вот сопкой будет Олений переход, и мы сможем увидеть этих красавцев». Прошло совсем немного времени, и вдали прямо посреди Угрюм-реки мы увидели спешно плывущее стадо из семи оленей. Вожак плыл впереди, его можно было отличить по бросающимся сразу в глаза огромным рогам. Животные, которых мы застали врасплох, шумно фыркали ноздрями, стараясь как можно скорее добраться до берега и уйти в свою стихию, мать-природу. Встреча с людьми

никогда не предвещала оленям ничего хорошего. Мы замедлили ход, наблюдая, как эти лесные красавцы один за другим выпрыгивали из воды на берег и скрывались в лесу. Когда последний из них скрылся в тайге, мы прибавили ход и пошли дальше. Неожиданно недалеко от нас увидели еще одного оленя, который плыл как-то странно – медленно и кругами. Подойдя на лодке ближе, мы поняли такое поведение животного. Рядом с мамой плыл маленький олененок, и олениха, боясь за него, закрывала его от нас. Подталкивая его мордой, помогала быстрее плыть. Герман, чтобы не пугать эту парочку, взял на лодке в сторону, и скоро олени скрылись из моих глаз.

Глава вторая

Начало было многообещающим, и впереди нас ждали, оказывается, еще более интересные приключения. Мне, москвичу, вырвавшемуся из городского нагромождения бетона и кирпича, отравленного автомобилями и другими прелестями цивилизации кислорода, казалось, что мои легкие, как бальзамом, заполнял живительный и вкусно пахнущий тайгой речной воздух. И дальнейшее наше чаепитие, когда мы пристали к берегу для отдыха, только добавило к моей эйфории дополнительные минуты блаженства, которые можно испытать, пробуя на вкус свежесваренный чай из тут же собранных лесных трав и ягод. Последние, чуть увядшие от зимней заморозки, красными бусинками висели на кустиках брусники. Попив чайку и узнав у Германа о нашем часовом отдыхе, я решил сфотографировать побережье Витима, пройдясь вдоль берега. «Ты куда, Александр?» – спросил меня Герман. Узнав о моем намерении прогуляться, он заставил взять меня «Сайгу 12-С», заполнив пятизарядный магазин. Сначала двумя патронами дробью-тройкой, потом тремя с пулями полевкой, надев мне на пояс патронташ с двадцатью патронами, объяснив мне, когда увижу рябчика или утку, двух первых дробовых патронов хватит. Но если медведь встретится, который часто ловит рыбу на впадающих в Витим небольших речках и не будет уходить, то в воздух для отпугивания лучше стрелять дробью, а если начнет нападать, то пулями на поражение. Опасаясь за меня, Герман крикнул одной из собак по кличке Байкал: «Иди с ним», – показал он на меня. И Байкал с радостью рванулся впереди меня, продолжая весь наш небольшой путь радостно забегать вперед и вновь потом возвращаясь. Будто проверяя, не ждет ли нас впереди какая-нибудь неприятность в виде мишки или волков, и на его радостной морде было видно: опасаться нам нечего. Мне с таким вооружением и собакой ни капельки не было страшно, наслаждаясь природой, я щелкал фотоаппаратом окружающие меня красоты. Так незаметно прошло минут тридцать, двигаясь в направлении вниз по течению, откуда мы подымались на катере, я прошел примерно километр по берегу как раз до того места, где мы видели олененка с матерью. Неожиданно Байкал с лаем бросился вперед прямо к реке: я никогда не видел раньше такой картины. На берегу сидело несколько волков, не выпуская из воды стадо оленей. Олени стояли плотно друг к другу, и выступавший впереди вожак храбро прыгал на волков, бил при этом по воде передними копытами. Байкал с лаем бросился на заднего волка, и я, не сплеховав, выстрелил в воздух из ружья. Волки, неохотно скалясь и огрызаясь, отошли на десяток метров ближе к лесу, по их виду было понятно: уходить дальше они не собираются и всерьез меня не воспринимают. Двое из них, отделившись от стаи, стали отвлекать Байкала, и я каким-то шестым чувством осознал: сейчас волки нападут на собаку и меня. Вспомнив о том, что голодные волки рвут на куски своих раненых собратьев, вторым дробовым патроном я выстрелил в стаю волков с расстояния метров в тридцать. Потом еще добавил одним патроном с пулей. Это им не понравилось, и они кинулись в лес, Байкал бросился за ними. Господи, кто бы слышал, как я орал: «Байкал, ко мне, Байкал!» Я настолько испугался за собаку, без которой, как мне говорил Герман, в тайге очень опасно, и мысленно клял себя за то, что забрался так далеко. Байкал, услышав меня, прибежал из леса, сел возле моих ног и стал наблюдать за стадом, которое находилось в Витиме. Олени

после ухода волков начали по одному выпрыгивать из воды, отряхиваясь и с опаской поглядывая на нас, но далеко не уходили по неизвестной мне причине. Так продолжалось, пока в воде не остался последний олень, стоявший в четырех метрах от берега и почти не менявший своего положения. «В чем же здесь дело?» – подумал я про себя и потихоньку начал двигаться ближе к берегу. При моем приближении стадо понемногу отодвигалось, только животное в воде как стояло, так и не шелохнулось. Когда до него осталось метров семь, я увидел сбоку животного сантиметров на тридцать выступающую мордочку олененка, которой он уперся в живот матери, и это позволяло ему дышать. Глубина в этом месте была более одного метра, и детеныш мог утонуть, только бок матери не давал этого сделать. Ощущение было такое, как будто олененок зацепился за что-то на дне реки. Не зная, какие мне действия предпринять, я принял решение лезть в воду, посмотреть, в чем там дело. Животное, увидев в моей руке ружье, которое я снял с плеча, начало испуганно дергать головой, но материнский инстинкт был сильнее страха смерти, и только испуганные глаза оленихи, ставшие неожиданно влажными, выдавали ее дикий страх. Раздевшись до трусов, взяв нож, я полез в воду; не дойдя около метра, опустил голову в воду и увидел на дне запутавшиеся в какой-то веревке задние ноги олененка. Хорошо, хоть веревка, подумал я, нырнув к ногам животного, перерезал ее двумя взмахами. В воде сразу же все забурило от восьми оленьих ног, я поспешил выскочить на берег, опасаясь получить копытом в голову или по другой части тела. На берегу мне еще раз пришлось оказать маленькому олененку помощь. Одна из его ног прочно удерживалась веревкой, которая уходила в реку, и мне пришлось снова поработать ножом. Олененок, видимо, так устал и замерз в воде, что по этой причине не обращал на меня никакого внимания. Это дало мне возможность понять причину его водного плена: при близком рассмотрении мне стало понятно, животное попало в поставленную кем-то рыболовную сеть. «Какое нелепое стечение обстоятельств», – сказал я вслух Байкалу, сидевшему рядом со мной, и тут же услышал приближающийся звук моторки. Олени, увидев лодку, стали уходить в тайгу, только мать олененка несколько раз оглянулась на меня, видимо, благодаря взглядам за спасение ее детеныша. Когда лодка приставала к берегу, все стадо уже скрылось из виду. «Что у тебя случилось, Саша, почему стрелял?» – спросил с тревогой Герман. Рассказав про приключившиеся со мной события, я показал лежащую на берегу сеть. Герман с Никитой, осмотрев сеть и олени следы вперемешку с волчьими, по очереди пожали мне руку, поздравив меня с первым охотничьим трофеем. Я даже не заметил, как попал в одного из волков, как потом оказалось, прямо в голову. Герман объяснил мне: скорее всего, я попал в вожака – это и послужило причиной столь стремительного бегства волков. Закинув мой трофей в «Крым», мы двинулись вверх по Витиму к зимовью, до которого оставалось минут сорок ходу. Всю оставшуюся часть пути собаки рычали, скалясь на завернутого в брезент волка, в них говорил тысячелетний природный инстинкт, который нельзя вытравить никакой цивилизацией. Из-за всех наших дневных приключений до охотничьего участка мы добрались к четырем часам дня. И мой друг, хозяин участка, Герман принял решение: сегодня в тайгу на медведя не идти, а помыться в баньке, хорошенько отдохнуть, и завтра с новыми силами двинуться на хищника. Мы с Никитой начали топить баню, а Герман стал снимать шкуру с волка. Где-то через два часа, когда баня уже вовсю натопилась, мы весело колотили друг друга березовыми вениками, я выскочил охладиться на воздух. Увидел в паре метров от себя снятую с волка шкуру, и мне настолько захотелось ее примерить прямо сейчас... Ничего не смог с собой поделаться: сняв шкуру с жерди, накинул ее прямо на голое тело и, видимо, тут же потерял сознание. Очнувшись минут через десять с волчьей шкурой на голом теле, с которой почему-то стекала вода, судорожно сорвал ее с себя, закинул обратно на жердь и, трясаясь от холода, заскочил обратно в баню. «Ну ты и ходишь, – сказали мне друзья, – мы минут десять ждали, потом увидели тебя купающимся в реке, дорвавшегося до экзотики, и решили тебе не мешать...»

Глава третья

Ночью мне приснились бегущие рядом со мной волки. Рыча и скалясь, мы бежали по лесу, и я с ужасом увидел вместо своих ног и рук волчьи лапы, которыми ловко прыгал через упавшие деревья и кустарник. От этого сна я вскочил и, видимо, до конца не проснувшись, сделал несколько шагов по зимовью, пока не уперся в стоявший посередине стол. Придя в себя и с жадностью выпив воды из кружки на столе, я не мог отделаться от мысли, что было явью, а что сном. Тут взгляд упал на мои руки и ноги, которые все были в мелких царапинах от веток, а на ладонках остались следы от укулов хвои, от увиденного голова вообще пошла кругом. Надо обо всем этом у Германа спросить, решил я и пошел к реке умываться. Потом был завтрак, и мы выдвинулись в тайгу, к месту, где находилась медвежья приманка. По дороге с каждым шагом весь ночной сон мне стал казаться глупостью, и я скоро обо всем забыл. Пройдя три километра и почувствовав запах пропавшего мяса, Герман повел нас в обход с подветренной стороны, чтобы медведь нас не почуял. Найдя место, с которого в бинокль и оптический прицел карабина хорошо было видно приманку, мы залегли, наблюдая за подходами к ней, и стали ждать. Приманка висела на очень длинной ветке огромного дерева, привязанная на веревке метрах в трех от земли. Все было сделано так, чтобы хищник не смог добраться до приманки даже в прыжке и ходил бы возле нее, пока его не настигнет пуля охотника. Герман, отдав Никите карабин, взяв нож: с рацией, решил сходить к приманке, посмотреть, есть ли там медвежьи следы. Наблюдая за ним в бинокль, я вдруг увидел какое-то движение сбоку в тайге. Вглядываясь в заросли кустарника, я почувствовал, что за нами кто-то следит. Сказав об этом Герману по рации, стал опять наблюдать за тем местом, где мне показалось: кто-то есть! «Да здесь полно медвежьих следов, – ответил мне по рации Герман, – я возвращаюсь, будьте внимательны». Только он стал двигаться в нашу сторону, как ему наперерез начало двигаться какое-то, пока невидимое очень четко, животное, но, судя по очертаниям, очень крупное. Охотник тоже почувствовал опасность и по рации попросил Никиту: как только животное нападет, стрелять на поражение. «Почему он не взял с собой ружье?» – только успел подумать я, как хлесткий один и потом еще один выстрел из карабина раздался рядом со мной. Я повернул голову к тому месту, где было до этого движение, и моему зору открылся лежащий на боку огромный, лет пяти, медведь, которого Никита свалил двумя выстрелами прямо в прыжке. Хищник всего пару метров не допрыгнул до Германа, который уже начал орудовать ножом, доставая у медведя очень ценную и целебную желчь. Так, разделявая животное, Герман обнаружил в его желудке проволоку, на которой вялилась пойманная им до этого рыба. Медведь сожрал ее накануне, пока Герман ездил на рыбалку, перевернув все на заимке вверх дном. «Если до этого я еще сомневался в том, этот ли разбойник ко мне наведывался или нет, теперь мои сомнения полностью развеялись», – сказал он вслух. Судя по следам, здесь ходит еще один медведь, немного поменьше, время у нас есть: можно посидеть несколько часов в засаде. Сделав полсотни снимков с убитым Никитой медведем, мы, удобно устроившись на старом месте, стали есть крупно нарезанное сало с солеными огурцами, пить крепкий чай на травах из термоса и обсуждать внезапное появление убитого медведя. У моего московского друга Никиты это был первый трофей, да еще медведь. Было видно, как светились его глаза и распирало от счастья грудь от возможности похвастаться перед своими коллегами-журналистами в Москве. Мой трофей – шкура огромного волка – уже второй день красовалась над моим изголовьем, в зимовье растянутая на гвоздях. Вдруг молчавшие до этого собаки начали рычать. Шерсть на загривке у кобелей встала дыбом, и буквально через минуту на то место, где лежал убитый медведь, выскочила из тайги стая волков. Они начали обнюхивать лежащее животное, а один из них, посветлее, запрыгнул прямо на него и стал нюхать воздух вокруг, привставая при этом на задние лапы, видимо, опасаясь тех, кто убил такого грозного хищника.

То есть нас. При появлении волков меня охватило странное чувство какого-то единения с ними и только большим усилием воли, сдерживая внутреннее желание броситься к ним, я удержался от этого поступка. Что со мной творится? – и, сам того от себя не ожидая, ударил по стволу Никитинового ружья, который хотел в них выстрелить. «Не надо, не стреляй», – сказал я. И встал во весь рост, отряхиваясь от налипшей за долгое время нахождения на земле старой хвои, смотря вслед убегавшим в тайгу волкам. Через сорок минут, нагруженные медвежьим мясом, мы возвращались к себе на заимку. Так прошел еще один день в моей жизни, вдали от всех благ цивилизации.

Глава четвертая

Ночью, во сне, я опять бежал среди волков, впереди всех, сбоку бежала моя самка, которая уже второй год была рядом со мной. Эта был тот самый волк, который, ничего не боясь, прыгнул на убитого медведя – теперь я знал: это моя волчица. Серая подруга прижималась ко мне сбоку, заигрывая со мной, она хотела понести от меня волчат, была уже середина весны, и подошло время спаривания. Так, играя друг с другом, наша доминирующая в стае пара удалилась в сторону от остальных волков, и мы, играя и покусывая друг друга от возбуждения, занялись любовью. Я опять проснулся весь в поту от мысли, что занимаюсь с волчицей любовью! Может, я схожу с ума, надо разбудить Германа. Тем более что у меня опять на руках и ногах остались следы в виде ссадин от веток, и болел, словно опустошенный, низ живота. Так со мной было только после целой ночи, проведенной в сладострастной любви с очень понравившейся мне девушкой. «Черт, что же это такое?» – выругался я и начал трясти за плечо спящего Германа. Когда мы выпили по второй кружке свежесваренного чая, Герман сначала только смеялся надо мной. Но когда я показал свое тело, ладони и ступни ног, он вдруг как-то задумался. Потом спросил меня: «Ты в первый день волчью шкуру на себя не надевал?» Я рассказал ему все, что помнил о той злополучной истории, когда мылся в бане. Герман молчал, о чем-то думая. «Не знаю, может, это и правда, но есть у древнего таежного народа тофаларов-охотников такое поверье! Если охотник в первый день наденет на голое тело волчью шкуру убитого им вожака стаи и искупается в ней в реке, то он станет человеком-волком. И будет после этого самым искусным охотником, обретя невиданные человеком инстинкты и, благодаря своей новой волчьей сути, он будет знать повадки всех животных в тайге». Рассказав об этом мне, Герман замолчал и предложил сегодня ночью проверить его предположение. День пролетел незаметно в делах и заботах, вечером, помывшись в бане, мы улеглись спать. Герман с Ником, который уже был в курсе моих ночных снов, привязали меня за одну ногу к кровати, и стали по очереди дежурить. Уже за полночь, услышав лай собак, находившихся на привязи, и вой волков возле зимовья, Герман решил их отвязать и запустить в зимовье. На привязи собаки беззащитны перед волками, и те часто нападают на них, пользуясь случаем. Пока он возился с лайками, прошло минут пять, зайдя опять в зимовье, он просто не поверил своим глазам: на топчане, где спал Александр, никого не было, лежала только перекушенная острыми зубами веревка. Он взял карабин и разбудил Никиту, вместе они двинулись на розыски Александра. Собаки вели их прямо на волков, и скоро Никита увидел всю стаю. Волки бежали параллельно к ним, впереди выделялся вожак, рядом с которым бежала его подруга, светлая волчица, Никита вскинул ружье и выстрелил в вожака.

– Ты что творишь? – закричал Герман, вырвав ружье из его рук.

– Да я так, для остротки просто, там все равно дробь была, – сказал Ник.

– Ладно, пошли обратно, – сказал Герман, и они двинулись в обратный путь к нашему охотничьему пристанищу. Зайдя в зимовье и увидев на своем месте спящего и одетого, как и до этого, в трусы Сашу, он потрогал его и, убедившись, что тот жив и здоров, предположил, что Саша выходил просто до ветру, а они, переполошившись, погнались за волками. Только

перекушенная острыми, как бритва, зубами веревка не давала ему покоя. «Ладно, утром разберемся», – подумал он и крепко заснул.

Глава пятая

Утром, когда все собрались на чай за столом под самодельным навесом, Герман спросил у Александра, как ему спалось. «Просто отлично, вот только сон про волков опять снился, и какая-то тварь кровососущая ночью спину укусила». И после этих слов Саша повернулся к нему спиной. Поперхнувшись от увиденного, Герман с Никитой переглянулись с друг другом. На спине в нескольких местах, прямо под кожей, сидела дробь, видимо, выпущенная из ружья Никитой. Они ничего не стали говорить Александру, только обработали ранки на спине и незаметно для него вытащили дробины.

Часть II

Отправив Сашу за водой на речку, Герман с Никитой стали совещаться, что им делать дальше.

– Мистика просто! Не могу поверить, Герман, в твои сказки, сам иногда балуюсь, пишу фантастику. Но чтобы в моей жизни такое случилось – Александр – человек-волк! Дурдом какой-то! – сказал Никита.

– А Барабаши ваши и другие мистические истории в московских газетах и на телевидении? – возразил ему Герман.

– Ты что, издеваешься? Это же пиар, ходы просто для рейтинга, – ответил Никита. – А тут такое, в голове не укладывается! Что делать будем, Герман, ты же местный?

– Есть только один выход: надо плыть к шаману, он должен знать, как здесь помочь. Сейчас ничего больше Саше говорить не будем, чтобы не напугать. А пока собираемся и отправляемся вверх по Витиму, надо около двухсот километров до порогов пройти засветло. До Шаман-камня, там, по нашим древним преданиям, живет очень старый и могущественный шаман.

– А вдруг его уже нет в живых? – спросил Ник.

– Такого быть не может, там, возле Шаман-камня, всегда жили наши духи, с которыми они говорят.

Натаскав воды и увидев спешно собирающихся в дорогу друзей, я стал им помогать. Все сосредоточенно молчали, укладывая необходимые вещи в дорогу. Загрузив рюкзаки в лодку, мы пошли вверх по реке. От нечего делать, взяв бинокль, я стал разглядывать берег, от которого мы отплыли. Стоявшие на берегу реки деревья и кустарники стыдливой наготой просвечивались на десятки метров вглубь. Еще не раскрывшаяся полностью весенняя листва плохо прикрывала их стволы. Можно было увидеть в глубине леса каких-нибудь животных или что-то интересное. Всматриваясь в окуляры бинокля прямо напротив, я увидел бегущую вдоль берега стаю волков. Впереди всех бежала знакомая по моим снам волчица. Она, почувствовав мой взор, остановилась и, развернувшись ко мне грудью, словно кинжал, вонзила в меня свой взгляд. Внутри моего сердца щелкнула какая-то струна, и к горлу подкатил комок, который мешал мне дышать. Никита, заметив мое состояние, вырвал у меня бинокль из рук. Взглянув в него, он закричал:

– Волки! Герман, волки, штук десять прямо за нами вдоль берега бегут!

– Взяла бы их нелегкая, – сказал Герман и добавил газу. Четырехтактная сороковка «Ямаха» тяговито рокотала на усиленном транце, сделанном специально под лодочный мотор нашего «Крыма». И я, успокоившись, одевшись потеплее, незаметно уснул. Мне приснилась моя девушка Оля, ждущая меня в Москве. Мы лежали с ней в моей московской квартире, и она нежно целовала мою спину, шепча на ушко:

– Сашенька мой, как я тебя люблю!

Мне было так хорошо, и, повернув к ней лицо для поцелуя, я вдруг увидел светлую волчицу, которая лизала мою укушенную, как я думал, мошкой спину. Резко вскочив, что в лодке с низкими бортами делать нельзя, не удержав равновесия, сразу же полетел в воду. Полусонный, я бил по воде руками, как только мог, но тяжелая одежда и резиновые сапоги тянули меня камнем на дно. Уже прощаясь с жизнью, почувствовал: кто-то с силой вытолкнул меня из глубины, поддерживая на поверхности реки несколько минут, пока не подплыли мои друзья на лодке.

– Ну ты даешь, Саня, – сказали они и, схватив за обе руки, втащили меня в лодку.

– К берегу, – скомандовал Герман Никите, и тот, как заправский капитан, повернув руль, пошел к берегу. «Когда он только научился лодкой управлять?» – мелькнула мысль в моем мозгу. И тут же меня пробила такая дрожь – зуб на зуб не попадал. На берегу, сняв всю одежду и прыгая на ветру, как заяц, начал растирать себя водкой. Сзади меня растирали друзья.

– Лишь бы ты, Саша, только не заболел, – все приговаривал Герман, натирая меня с такой силой, как будто перед ним была стенка. Поставив палатку, мы залезли в спальники. Отправиться дальше мы не могли. Мокрая одежда, в которой я плавал в Угрюм-реке, сохла на всунутых между камнями палках. И последние лучи солнца, испаряя из нее влагу, уходили за горизонт, так до конца и не завершив свое дело.

– Жаль, осталось всего ничего, двадцать километров, но Сашу голым не повезешь, – сказал Герман, и мы все дружно рассмеялись. Привязав рядом с лодкой метров за двадцать от нас собак, мы улеглись спать. Это надо было видеть: с краю спал Никита в обнимку с ружьем «Сайга», с другого края Герман с карабином, со снятой оптикой, чтобы не сбить прицел. Посередине такого боевого охранения лежал я, безоружный и разомлевший от выпитой для согрева водки. Поболтав и посмеявшись вдоволь друг над другом, мы быстро сдались сну. Сначала мне ничего не снилось, потом одни за другим начали проноситься воспоминания детства, и, не заметив, когда это произошло, я опять несясь в волчьей стае. Меня разбирал такой внутренний драйв, и только сердце бешено колотилось в груди от стремительного бега. «Чего-то не хватает, – подумал я, – где моя подруга?» Резко остановившись и свернув в сторону, я почувствовал манящий запах самки, рядом – еще один, крупного самца. «Неужели у меня появился соперник?» – в бешенстве прилила кровь к моей голове. Выскочив на небольшую поляну и увидев свою самку на возвышающемся холме, поросшем мягким густым мхом, скалящуюся и не подпускающую к себе огромного, почти черного, волка. Не помня себя, я бросился на него, и завязалась смертельная драка. У меня было больше шансов на победу: я на своей территории, и это моя стая и самка, а он пришлый. Все это придавало мне намного больше сил, и скоро шея врага, которую я сдавливал клыками изо всех сил, обмякла, и он упал замертво. Довольный одержанной победой, я успокоился, и, играя, лизнул волчицу в голову. В ответ она начала лизать меня. Дойдя языком до моего носа, внезапно остановилась. «Какой у тебя сухой и горячий нос, ты, наверно, заболел, – услышал я ее мысли. – Лежи здесь, я скоро», – и моя подруга пропала в темноте. Не знаю, сколько времени прошло, вынырнув из ночи также внезапно, как исчезла, волчица принесла в зубах небольшие корешки, которые положила рядом со мной. Интуитивно поняв, зачем они, начал жевать эти корни. По вкусу они напоминали женьшень. «Стоп, – пришла мысль в мою голову, – а откуда я знаю этот вкус?» И сразу же проснулся! Рядом со мной по обе стороны лежали похрапывающие во сне друзья. Закрыв опять глаза и попытавшись уснуть, уже не смог этого сделать. Тем более, отходя ото сна и почувствовав горечь женьшеня во рту, вспомнил ночной сон. Проведя языком внутри рта, почувствовал на зубах кусочки корня и шерсти, видимо, убитого мной соперника. Мне стало страшно как никогда! Быстро поднявшись и вытащив ружье из рук Никиты, охваченный каким-то непонятным желанием, я побрел в раздумьях вдоль берега. Неожиданно дорогу мне перегородила волчица. Вскинув от неожиданности ружье, я не смог нажать на курок, мы несколько минут смотрели друг на друга. В ее глазах я увидел себя в шкуре волка, и земля, закружившись, начала уплывать из-под ног. Очнувшись от похлопываний Германа по щекам, открыв глаза, первое, что я увидел, было его лицо.

– Сказал же, что заболеешь, вот вам и получайте, еще полуголым по холоду бегаешь. Сейчас тебя за полчаса на ноги поставим, – с этими словами мне воткнули в задницу укол димедрола вперемешку с анальгином. Прошло немного времени, температура исчезла, и ко мне стала возвращаться ясность ума.

– Ну все, давай собирайся, – сказал мне Гера, протянув высохшие на ветру вещи. Через час наш «Крым» подплывал к берегу, где прямо у воды стоял камень-Шаман. Огромный камень, довлея над окружающей природой, возвышаясь, излучал мощную энергию.

– Чувствуешь, какая сила и энергия идет от него? – спросил я Никиту. Тот посмотрел на меня и ничего не сказал. Не дожидаясь, пока лодка пристанет к берегу, я прыгнул прямо в воду, дохотившую мне до края сапог. И со всех ног кинулся к камню, обняв его, прижав-

шись горячим от вновь поднимающейся температуры телом. Вдруг сразу же почувствовал такое облегчение и какое-то неземное блаженство. Закрыв глаза, я заговорил с ним, вернее сказать, наоборот. Камень незримым для меня образом начал петь мне древнюю шаманскую песню. «Я шаман, каменный дух, Ставший перед хворым! Больше этого дела Я не могу сделать нисколько! Я всегда шаманю, Обходя весь земной шар! Животное, на котором я езжу, Это – зверь изюбрь! Дальнее и близкое расстояние Я всегда обхожу и шаманю! Я вижу всегда Владык вышних творения (звезды)! Я вижу всегда Владыку высшего (небо)! Кто живет шаманством, Кто живет победами – Это мой широкий бубен! В настоящую ночь, Пока не занялась заря, Нет никакой вещи, Которую я не вижу и не знаю! Больной или раненый, Хватит сил придти, Обнимите сильно меня, Уйдет хворь ваша». С каждым словом песни мое тело расставалось с болезнью, наполняясь взамен силой и энергией. Мне казалось – мы с камнем стали одним целым, и еще долго можно было наслаждаться эйфорией, охватившей мое тело, если бы меня за руку не схватил Герман, оттащив с силой от камня!

– Долго к камню прижиматься нельзя, иначе может плохо стать, – сказал он.

– Да ну, опять выдумки, – сказал Никита. Тут все мы заметили странно летящую птицу, видимо, у нее было повреждено крыло. Добравшись до камня, птица села на его верхушку и буквально через минуту резво, как будто ни в чем не бывало, взмахнув крыльями, полетела дальше. Не верящий своим глазам Никита, наклонившись, подобрал на земле крупного черного муравья, на которого кто-то из нас наступил. Муравей был еще живой и дрыгал лапками. Найдя в камне небольшое углубление, он положил его туда. Мы, молча обступив камень, наблюдали за ним. Сначала с минуту ничего не происходило. Вдруг муравей перевернулся на ноги и резво побежал по камню, вниз к земле.

Мы все, раскрыв рты, провожали его изумленным взглядом. Потом нас рассмешил Никита, бросив все свои вещи на землю, он прижался к камню, обнимая его, как мать родную. Герман тоже обнял камень с другой стороны.

– Все, хватит, Шаман-камень может дать силу и здоровье, а может и забрать его у особенно увлекшихся, – сказал он. – Пойдемте искать шамана, он где-то недалеко должен жить.

Закинув за спину рюкзаки, мы отправились вверх по сопке, туда вела еле заметная тропинка. Через метров триста нашему взору предстал большой чум, из которого шел вверх дымок. Он стоял на большой поляне, рядом с ним были еще два чума поменьше, возле которых на огне готовила пищу женщина с двумя детьми. Герман направился к ней, задал ей вопрос на тофаларском языке, затем вернулся к нам.

– Шаман в тайгу ушел, только завтра вернется, женщина сказала: мы можем переночевать в одном из чумов.

Удобно устроившись, бодрые от общения с Шаман-камнем, мы уплетали за обе щеки предложенную нам тофаларкой оленину, отдав ей взамен пять банок тушенки, при виде которых глаза женщины заблестели от радости. В тайге не было холодильника, и мясо быстро портилось, тушенка была палочкой-выручалочкой для любой женщины, позволявшей при необходимости быстро и вкусно накормить мужчин и детей. Зная немного о тофаларах, можно было предположить: это часто спасало их от гнева мужей, которые держали своих жен в ежовых рукавицах. У многих живущих в тайге семьях до сих пор действует много запретов для женщин. Таких, как, например: нельзя садиться в мужское седло, трогать оружие, переступать через мужские вещи и много других, странных, на мой взгляд, запретов. Хорошо и вкусно поев, мы втроем, сопровождаемые собаками, решили половить хариуса на небольшой горной речке, которая ближе к Витиму расширялась, перекачиваясь через большие валуны, с которых мы и собрались рыбачить. Быстро наловив десятка четыре крупного хариуса (больше нам было не съесть, включая и собак), принялись его прямо на берегу потрошить для последующей засолки. Через час мы решили попробовать нашу малосольную рыбу. Никита с Германом за обе щеки уплетали хариуса, меня почему-то соль раздражала. Машинально взяв одну из оставленной для

жарки вечером на костре и поэтому несоленой рыбы и откусив от нее большой кусок, понял, что мне больше нравится несоленая рыба. Думая, что мои друзья этого не заметят, съел штук пять, после чего захотел пить.

– Пойду прогуляюсь, – сказал я товарищам и спустился к реке. Там опять меня ждал сюрприз. На берегу, словно дожидаясь меня, сидели волки. Не испытывая ни капли страха и войдя прямо в стаю, я сел на траву. Волки обступили меня, ближе всех подошла моя ночная подруга и положила свою голову мне на плечо. Закрыв глаза, я услышал ее мысли: «Сегодня ночью расскажу тебе одну новость, она касается только нас двоих». В это время Никита с Германом, проследив куда я ушел, наблюдали из кустов за этой сценой. Ник щелкал каждую минуту фотоаппаратом, приговаривая:

– Рассказать кому, никто не поверит, а фото – доказательство. Ты видел, Герман, как он прямо сырую рыбу ел, как настоящий волк?

Герман в ответ молчал и просто любовался по-сумасшедшему красивой картиной Любви Человека и Волка. Неосторожное падение зацепившегося за ветку фотографа мгновенно нарушило эту идиллию. Раздавшийся при этом мат и хруст веток заставил стаю пуститься в бег вверх по распадку, и через минуту они скрылись из виду. Сидя к моим товарищам спиной, я улыбался и был счастлив от посетившей меня догадки. Будущая ночь должна была стать подтверждением. И мне ничего не оставалось, как только ждать ее прихода. Никогда я не хотел отдать несколько часов из своей жизни, как сейчас, лишь бы приблизить желанное мгновение. Живя в Москве, где работа руководителя Московского отделения Союза писателей заставляла меня мотаться по всей стране и за рубеж, при этом катастрофическая нехватка времени просто не давала расслабиться ни на минуту – а тут на другом конце нашей родины, приехав по приглашению своего товарища и писателя Германа, просто обо всем забыл. И с каждой проведенной здесь минутой мне все меньше хотелось возвращаться в тот суетливый, созданный людьми мир. Остаться здесь навсегда в лоне матери природы, не испохабленной цивилизацией, и наслаждаться окружающей дикой необузданной красотой – вот чего мне сейчас хотелось больше всего на свете. Видимо, почувствовав мои мысли, Герман предложил мне пообщаться по спутниковому телефону с домом. До этого минут пять болтал по телефону Никита. Он было хотел отойти в сторону и рассказать редактору о таинственных историях, приключившихся с нами, но вовремя передумал, представив хорошенько про себя, как бы он поступил, услышав в Москве такое от других. Редактор стопроцентно подумает, что мы здесь допились до белой горячки, лучше приеду и все покажу. Неохотно взяв из его рук тяжелую трубу, набрал номер единственного дорогого для меня человека – Ольги. Услышал ее взволнованный голос, и во мне шевельнулось чувство нежности. Поняв то, что я по ней соскучился, просто слушал дорогой мне голос и молчал.

– Ты почему молчишь, мне надо тебе что-то важное сказать? – обиженно на другом конце спросила Ольга.

– Оленька, родная, скоро приеду, – сказал я, испуганно нажав на сброс, так и не поняв до конца, зачем это сделал. Солнце огромным красным диском закатывалось за сопку, приближался вечер, лежа в чуме, я смотрел сквозь неплотно прикрытую занавеску на это чудо природы и незаметно засыпал.

– Спит уже, привязывать веревкой будем? – спросил Никита Германа.

– Наверное, спит, ни фиги эта веревка не поможет, природу не обманешь, – ответил он. – Шаман завтра приедет, пускай он решает, что с ним делать, – махнул рукой Герман и, повернувшись, лег спать. Во сне опять я встретился с моей волчицей. Купаясь с ней в реке и гоняясь друг за другом, неожиданно опять услышал ее мысли, она была благодарна мне за то, что у нас появятся волчата, и они должны вырасти такими же смелыми и сильными, как их отец. Обрадовавшись этой новости, я бросился бежать наперегонки с ней, как бешеный. Очнувшись от тряски меня Никитой, понял, что уже утро...

Часть III

Очнувшись от тряски меня за плечо Никитой, понял, что уже утро.

– Вставай, засоня, умывайся, завтракать будем.

По выходе из чума моим глазам предстала картина раннего восхода солнца. Яркий свет бил над верхушками сосен. Казалось, волшебная корона из света и седых облаков, как голову, окружала огромную сопку, под которой находилось наше стойбище. «Какое красивое зрелище», – подумал я и тут же услышал лай собак, и из тайги неведомо откуда выскочила на поляну оленья упряжка.

– Айгу, айгу! – кричал сидящий на ней пожилой возница. В руках он держал длинную гибкую палку, которой подстегивал оленей, направляя их в ту или другую сторону.

– Вот и Шаман приехал, – сказал подошедший ко мне Герман. Услышав это, во мне стало просыпаться чувство внутреннего беспокойства. Почувствовав явную угрозу своему внутреннему состоянию, к которому уже начал привыкать, исходящую от этого человека, я услышал мысль бежать куда подальше. Пересилив себя огромным усилием воли, я подошел к Шаману, возле которого стояли мои товарищи, что-то быстро объясняя ему. При моем появлении Герман перешел на тофаларский язык, и мне стало непонятно, о чем они говорят. Пристальный взгляд из-под густых седых бровей Шамана сверлил меня насквозь. Посасывая трубку, он слушал Германа, кивал головой, вставляя иногда редкие слова в разговор. Я только интуитивно понимал: разговор идет обо мне и моей судьбе; не выдержав пристального взгляда, я отошел в сторону. Прошло немного времени, и нас пригласили есть. Усевшись в круг возле импровизированного стола из циновки, покрытой белой, видимо, праздничной скатертью, мы начали трапезу, состоящую из вареного мяса оленя, зажаренной зайчатины, лепешек, испеченных на воде, которые заменяли хлеб, и какого-то поданного на десерт варенья, неизвестно из каких ягод, но очень вкусного. Запасливый Никита, порывшись в своем рюкзаке, вытащил на свет бутылку хорошего виски. После второй стопки мы все повеселели и даже, на первый взгляд очень суровый, старик-шаман стал мне более симпатичен. Алкоголь снял напряжение, и мы стали более доверительно общаться между собой, не стесняясь задавать вопросы. Никита прямо, не ходя вокруг да около, выпалил Шаману:

– Уважаемый, объясни мне, что у вас тут происходит? Камень птичек, букашек оживляет! Мой товарищ Александр ночью с волками по тайге бегает.

Старик, посасывая свою трубку, с интересом смотрел на взволнованного Никиту. Вытащив затем трубку изо рта, спросил его, не отвечая на заданные вопросы:

– А где ты живешь, в большом городе, что происходит?

Никита не понял, к чему клонил Шаман. Старик, помолчав еще с минуту, ответил:

– У нас в тайге странного ничего не происходит, кроме того, что уже тысячи лет здесь находится и живет, созданное природой и духами или, как вы называете, Богом. Мы ничего не меняем, не разрушаем и пользуемся тем, что нам послали Духи. А вот вы там, у себя, все духовное уничтожили, построили свои города из камня и стекла, придумали летающих птиц, машины, полностью изменив свой мир. Построили храмы, где, как вы говорите, живет ваш главный дух, которого вы зовете Богом. И ходите туда иногда замаливать свои грехи, которых вы делаете намного больше, чем вам там их отпускают. Зовете все это цивилизованным образом жизни, думая, что это и есть жизнь! Да! Это можно назвать жизнью, но это придуманная и созданная вами жизнь. (Тут можно добавить и о продажных прокурорах и судьях.) А вот мы, дети природы и духов, живем в этих далеких от вас местах, охраняя одно из последних святыниц наших духов. Если его завтра не станет, весь наш мир рухнет в бездну и мглу, вместе с вашими деньгами и порожденными этим идолом пороками.

Сказав все это, старик замолчал, его слова заставили нас всех глубоко задуматься. А меня еще раз убедили в моей мысли: остаться здесь среди дикой природы, оставив такую, как мне сейчас казалось, никчемную суетливую московскую жизнь, где в последнее время, приезжая на дачу, на природу, я не мог найти ни капли вдохновения и чувственности, таких необходимых для написания хорошей прозы. Из-под пера выходили только одни бездушные блокбастеры про роботов и другие цивилизации. Виновато во всем этом было полное отсутствие природы. Дачи были все похожи одна на другую, кирпичные пафосные дворцы с автоматическими воротами и минимумом деревьев. Однажды поехав к своему другу на берег реки за литературным вдохновением, увидел берег, на километры застроенный причалами для яхт и катеров. В нем не было даже метра разрыва для травы и деревьев, один сплошной бетон. Из раздумий меня вывел неожиданно опять зазвучавший голос старца:

– Александр, – неожиданно обратился ко мне Шаман, – ты находишься сейчас между двух рек, пока еще посередине. Но с каждым днем твою старую, ненастоящую жизнь, вытесняет та, в которую ты вошел через воду, надев на себя пропуск в нее: шкуру убитого тобой волка. Наши легенды гласят: если мужчина, зная о том, что его ждет, специально надевает на себя шкуру волка, входя в воду, у него уже нет шансов вернуться к обычной жизни. Охотник навсегда становится человеком-волком. Не каждый мог выдержать такое испытание двойственной жизни, многие сходили с ума. Были случаи, когда охотники просто убивали себя сами. Но у этой ситуации есть две стороны: став человеком-волком, охотник в несколько раз больше приносил добычи, этим самым спасая свой род от вымирания в тайге в плохие, неудачливые для промысла, годы взамен на спасенные от голода жизни членов своего клана, сознательно обрекая себя на страдания! У тебя есть шанс, Александр, ты помимо своей воли, по незнанию сделал этот обряд. Поэтому, если хорошо попросить духа волка, он может отпустить тебя, нужно только твое желание, без него у нас нечего не получится. А сейчас я хочу вам рассказать одну историю, из которой вы поймете, для чего еще надевали шкуру волка, вожака стаи, на себя охотники-тофалары. Часть этой истории мне рассказал отец, а то, что он не мог видеть и слышать, мне за других людей рассказали наши духи. Мой отец, глава очень большого клана, состоявшего из пяти детей и множества родственников, был очень известным шаманом и удачливым охотником, всегда приносившим домой много добычи. Так счастливо и в достатке жил он бы и дальше, но однажды к нему приехали люди в военной форме. Один из них, видимо, самый старший, одетый в черную кожаную куртку, представившись комиссаром, обратился с просьбой к моему отцу, чтобы он помог собрать, сколько сможет, воинов-тофаларов для отправки на фронт, где так остро не хватало солдат. Никто, кроме моего отца, не смог бы это сделать, тофы-мужчины были разбросаны очень далеко по тайге, и точно знать, где они находятся, и всех собрать мог только очень искусный, пользующийся авторитетом, охотник. Договорившись с ним встретиться на этом же месте через месяц, мой отец надолго пропал в тайге. Вернувшись через три недели с кучей оленьих шкур, он стал возводить еще несколько чумов для подходивших каждый день из тайги все новых и новых охотников. Наконец, ближе к сроку, оговоренному между моим отцом и человеком в кожанке, на стойбище собралось около сорока человек мужчин. Приехавший военный комиссар, которого звали Иваном Павловичем, обратился к ним с речью.

– Уважаемые граждане охотники, на нашу Родину напал враг! Фашистские полчища разоряют и сжигают целые города, убивая наших братьев, сестер и дочерей. Угоняют в рабство к себе в Германию наш многострадальный народ, не щадя никого, даже стариков с маленькими детьми. Если мы их не уничтожим, они придут и сюда, на вашу землю. В эту опасную для нашей Родины минуту Советская власть обращается к вам с просьбой защитить нашу Родину и с оружием в руках помочь разгромить немецких захватчиков.

Эта пламенная речь и привезенные газеты сделали свое дело. Все пришедшие тофалары записались в Красную Армию, пообещав через неделю прийти в военкомат для отправки на

фронт. Когда комиссар уехал, возле отца собрались самые уважаемые охотники постарше, стали держать совет. И тут один из них вспомнил о древнем поверье и предложил всем, кто хочет, исполнить этот обряд.

– Волков развелось много, а пока мы будем воевать, их разведется еще больше, но каждый решает сам, – сказал он. Через неделю сформированный из тофаларов отряд трясся в вагоне теплушки, отправляясь на фронт. Одетые в одинаковую форму, наголо подстриженные, они все были похожи друг на друга. Только вот когда наступала глубокая ночь, солдаты из других теплушек слышали по ночам вой, удивленно наблюдая за десятками бегущих вдоль медленно тянувшегося паровоза волков. Охрана эшелона несколько раз пыталась по ним стрелять, но после сурового запрета комиссара перестала это делать. Политрук был тот же, что приезжал на встречу с охотниками. Сформировав по приказу командования несколько батальонов из сибиряков Иркутской области, он ехал с ними на фронт. Не поняв сначала, о чем его просит пришедший к нему на остановке солдат, и потом, узнав в нем того шамана, который помог ему собрать отряд будущих разведчиков-снайперов, он решил внимательно выслушать его.

– Понимаешь, командир, – зайдя издалека и поняв, что если расскажет правду, то коммунист-политрук ему никогда не поверит, отец пошел на уловку, – вот, командир, смотри, у многих солдат кресты на груди и иконки в рюкзаках, и в эти иконки никто не стреляет! А теперь представь, что волки, которые бегут за нами по ночам, тоже наши иконки или духи по-нашему, запрети в них стрелять, командир. Иначе мои солдаты (у моего отца на петличках были сержантские знаки отличия) болеть начнут.

И он позвал его посмотреть в свою теплушку на солдата, который, будучи волком, был ранен ночью из винтовки. Правда, не очень серьезно, но лежать все равно надо было.

– Видишь, заболел солдат, командир, потому что в его духа стреляли, – сказал мой отец.

Комиссар покачал головой и, ничего не сказав, пошел вдоль поезда. Каких только чудиков нет у него в подчинении: православные, мусульмане, буряты буддисты, теперь еще и шаманы с их духами! Но согласно внутренней инструкции, по которой политрукам и командирам не рекомендовалось запрещать вероисповедание на войне солдатам, дабы не снижать их боевой дух, Иван Павлович, зайдя к начальнику охраны эшелона, запретил стрелять ночью по волкам. Зная, что тот стучит особистам и для того, чтобы у него не возникли сомнения, сказал ему:

– Капитан, у нас каждый патрон на счету, а Вы разбазариваете боеприпасы. На Вас лично волки нападают или Вы хотите снизить боеспособность нашей армии? – спросил он.

Поняв, куда клонит комиссар, и испугавшись предъявленных ему обвинений, нагло чувствовавший себя от своих связей с особистами до этого капитан вскочил со словами:

– Есть, товарищ комиссар, все выполним, – пулей умчался, придерживая руками свой огромный живот, нажратый от воровства пайка у своих солдат, на бегу думая: вот гад политрук, лишил меня такой забавы (этот перекормленный, как кабан, начальник охраны каждую ночь, отобрав у часового винтовку, стрелял для развлечения в бегущих рядом с паровозом волков). И тофаларов спасало только то, что до армии он был завскладом и вообще стрелять не умел. Добившись своего хитростью от комиссара, мой отец, собрав земляков, предложил им на фронте проситься только в один отряд, мотивируя тем, что плохо знают русский язык. «Иначе вы понимаете, как несладко придется. Нас всех в первую же ночь свои перестреляют! И никто разбираться не будет! А так у нас получается двадцать человек, выполнивших обряд, и столько же, его не совершивших. Мы для других смотримся все на одно лицо – это даст нам возможность скрывать нашу тайну».

Часть IV

По прибытии на место солдат разделили по взводам, батальонам, полкам. Моему отцу с товарищами повезло, из них создали отдельный взвод снайперов-разведчиков, командовать которым поручили старому знакомому комиссару Ивану Павловичу. Со временем он узнал тофаларскую тайну, храня ее до конца войны. Умение охотников превращаться ночью в волков помогало решать, казалось бы, невыполнимые задачи, а на войне приказ должен быть всегда выполнен. Хоть в черта превращайтесь, лишь бы это было выгодно для командования. Для того чтобы понять, как воевали тофалары, расскажу вам об одном случае. Перед наступлением Иван Павлович получил приказ взять «языка» не с линии фронта, а из тыла, находящегося за сто километров от передовой. Никто не спрашивал, как он это будет делать, дав на все два дня. Командование интересовало только результат. Пройти незаметно такое расстояние пешком и вернуться обратно, захватив пленного, человеку просто не под силу. Зато волк спокойно преодолеет его за четыре часа. На задание отправился мой отец с тремя бойцами. Став ночью волками, они через пять часов были в оккупированном немцами городе. Затаившись у дороги, охраняемой ходившим по ней каждый час патрулем, стали ждать удобного момента, чтобы на него напасть, им нужно было оружие. До рассвета оставался час, этого времени было вполне достаточно. Среди них был волк, отцом которого была овчарка, и оттого он сильно напоминал крупную собаку, чем они и воспользовались. Завидев издали патруль, волк сел на обочине дороги и, прижав уши, сделав умильную морду, завилял хвостом, совсем как собака.

– Ганс, смотри, собака! Прямо как моя овчарка, – сказал один немец другому.

– Иди ко мне, я тебя поглажу, – сказал другой немец.

Волк, все сильнее виляя хвостом, на полусогнутых лапах все ближе и ближе подбирался к ним. Прыжок – и клыки сжались на шее врага. Второй немец упал рядом с перерезанным, как бритвой, горлом. Дружно уцепившись зубами за одежду убитых солдат, волки перетаскивали их в кусты метров за двадцать от дороги. Возвращаясь в человеческое обличье, отец похвалил товарища:

– Ну ты и артист, – сказал он. Все дружно заулыбались и стали ждать нужный автомобиль.

Немцы очень пунктуальный народ, появились ровно через пять минут, водитель-немец не мог проехать через огромную мертвую собаку, лежащую на дороге. Попытки объехать ее по узкой дороге не привели к успеху, и он, выйдя из машины и закатав рукава, схватил за шерсть животное, пытаясь оттащить его с дороги. Неожиданно шерсть в его руках превратилась в воздух, и он получил сильный удар по голове. Последнее, увиденное им в жизни, было ужасное превращение собаки в человека! В это время в салоне машины двое разведчиков крутили руки ничего не понимающему немецкому полковнику. Связав крепко и заткнув рот кляпом, повели его лесом к линии фронта. Пройдя большую половину пути, они решили передохнуть, оставившись в густом лесу. Вытащив изо рта тяжело дышащего от грузности полковника кляп, услышали от него на неплохом русском языке:

– Русские, вас сейчас догонят, если вы меня развяжете, я гарантирую вам жизнь, – сказал полковник.

– Да пошел ты, – сказал ему отец, и они стали ждать прихода ночи. Полковник прислушивался, крутя во все стороны головой, видимо, думал, что его найдут. И даже попробовал закричать, перепутав звук пробегающего кабана со своими освободителями. Но, получив хорошего пенделя, заткнулся! Охотники знали – собака никогда не пойдет по следу волка. Натасканные на заключенных концлагерей немецкие овчарки, трусливо поджав хвосты, отказывались брать волчий след, водя по кругу своих хозяев. Ближе к ночи разведчики сделали волокуши из елок, привязали к ним трясущего полковника, и, соорудив из ремней по два ошейника с каждой стороны, стали волками, впряглись и потащили волокуши к линии фронта. С каждым метром

становилось все опасней, вжимаясь в землю, они приближались к нейтральной полосе. Уже почти добравшись до безопасного места, они услышали немецкое «хайль»! В голове у отца промелькнула мысль: «Что делать?» И тут опять ситуацию спас их товарищ, залааяв, крутя хвостом, и с заискивающей миной на морде подбежал к двум стоящим на пулеметном посту немцам. Один из них, погладив волка по голове, кинул палку, волк ее принес и сел, как бы прося вознаграждения.

– Какая умная собака, – сказал он и пошел в блиндаж; за хлебом. Выйдя из него через две минуты, которых хватило, чтобы дотащить «языка» до позиций разведчиков, немец увидел лежащего с перерезанным горлом товарища. С криком: «Русские!» – он бросился к пулемету, но было уже поздно.

Полковник оказался очень ценной добычей для командования. Всех участвовавших в операции разведчиков наградили орденами Красной Звезды, а моего отца – орденом Красного Знамени.

Сказав это, старый шаман замолчал, раскуривая трубку. Потом что-то крикнул играющему рядом мальчику, который через минуту принес деревянную коробку. Старик бережно стал доставать из нее завернутые в тряпку награды, их было более двадцати, и все боевые.

– Да! Такие дают только за настоящие боевые подвиги, – сказал Никита. И потом спросил:

– А что с вашим отцом потом было?

– Он вернулся с войны, его оберегали очень сильные духи, из его товарищей двадцать четыре охотника не вернулись домой. Но благодаря каждому из них сотни фашистов тоже не вернулись к себе на родину. Теперь мало кто помнит ту войну! Но даже у нас в тайге есть памятник нашим погибшим братьям. Его сделала молодежь прямо у подножья водопада, недалеко от Шаман-камня, потом я вам его покажу. А пока идемте все со мной, – и, встав со своего места, Шаман повел нас к привязанным к столбу собакам. – Подойди к ним, Александр, – сказал он мне.

Почему-то мне не хотелось этого делать, но под взглядами моих товарищей я сделал к собакам несколько шагов. Собаки напряглись и, приняв хавшись, стали бросаться на меня.

– А теперь ты подойди, – показал он на Никиту, и тот спокойно подошел и стал гладить собак. – У нас не так много осталось с тобой, Александр, времени, завтра с утра сделаем обряд, – сказал шаман и пошел к себе в юрту.

Часть V

Мы, сильно уставшие к вечеру, побрели к себе. До полуночи оставалось два часа, когда я мысленно почувствовал, что она меня зовет. Схватив рюкзак и ружье, я незаметно от всех вышел на воздух и пошел в направлении зовущей меня подруги. «Больше меня здесь ничего не держит», – с этими мыслями я вышел к реке, где меня ждала моя стая. Словно радуясь моему решению, они обступили меня и позвали за собой. Волки бежали намного быстрее меня, оглядываясь, поспеваю ли я за ними. Через некоторое время такого пути моим глазам открылась пещера, зайдя в нее и осмотревшись, я стал превращаться в волка. Все мои собраты были рядом, и мы побежали загонять оленя для будущего ночного пиршества. Применяемая веками тактика загона животного в этот раз не давала волкам результатов. И я, разделив стаю на две группы, стал выгнанного из тайги оленя гнать к реке, там ему ничего не оставалось, как только прыгать в воду, где мы его настигли прямо возле берега. Плотно поев сырого оленьего мяса, моя подруга побежала в пещеру, где легла и начала разговаривать со мной. Ее немного округлившиеся бока выдавали пикантное положение, отчего мне было очень хорошо и спокойно.

– Ты больше не уйдешь? – спросила она.

– Нет, не бойся, останусь теперь навсегда.

– Как ты здорово сегодня на охоте придумал, сразу же видно человеческий ум. Люди часто забирают в свой мир наших вожаков, ты первый, кто пришел добровольно в наш мир, отказавшись от человеческого. Наши волчата будут самыми умными из всех когда-то рожденных волчат. Духи сначала не знали, что ты человек-волк, ты и сам не знал этого, поэтому они позволили мне от тебя понести. Такого никогда не было от других, принявших обряд. Они знали, кто они, и понести от наполовину волка и наполовину человека духи не разрешают. Поэтому если у человека до обряда не было детей, он навсегда оставался холостым и бездетным.

– А волк может превратиться в человека? – спросил я у волчицы.

– Да, среди вас есть мои соплеменники, но их очень мало. Для этого надо убить человека, вырвать и съесть его сердце, в вашем мире их зовут волками-оборотнями. Они очень жестокие убийцы и не помнят, что они делали ночью. Духи забирают у них сразу память после того, как они убьют человека, чтобы они не смогли потом помнить все наши секреты и применить их против нас. Мы, волки, являемся стражами духов, Шаман-камня и места, где они находятся. И если волк, который стал человеком, будет в своем мире помнить об целебных свойствах камня и других тайнах духов, он приведет сюда других плохих людей и попытается разрушить наш мир и забрать Шаман-камень.

– А как же Никита и Герман? Что с ними сделают духи? – испугавшись за своих товарищей, задал я ей вопрос.

– Как только твой московский товарищ отойдет от камня на расстояние одного дня пути, он сразу же обо всем забудет, а Герман – он из наших, посвященных.

Услышав столько нового для себя, и разомлев от такого вкусного мяса, уткнув морду в мягкий бок подруги, я крепко уснул.

Утром Никита и Герман, проснувшись и не обнаружив Александра, сильно переполошились и побежали к Шаману. Старик сидел на том же месте и смотрел в одну точку, не обращая никакого внимания на вошедших к нему взволнованных гостей. Сколько Никита не говорил ему слов, размахивая при этом руками, ни один мускул не дрогнул на лице старца. Его здесь не было, он разговаривал с духами.

– Пойдем отсюда, – потянул за рукав Ника Герман. Никита, выскочив наружу, побежал за спутниковым телефоном. Вытащив из сумки трубку и набрав телефон редакции, он стал судорожно объяснять всю ситуацию главному редактору. В ответ ему редактор говорил, что

не слышит его, черт, какая связь паршивая. Потом он позвонил домой родителям, которым ничего плохого рассказывать не стал, чтобы их не волновать, связь была хорошей. Потом опять несколько раз в редакцию. Только сейчас до него стало доходить, что как только он пытался рассказать о камне, волках и других происходящих здесь вещах, сразу же пропадала связь.

Посетившая его мозг догадка выбила его из колеи, и до этого у никогда не унывающего Никиты просто опустились руки, и он сел на камень.

– Нас отсюда живыми не выпустят, и Герман с ними заодно, возит сюда приезжих изда-лека, и в волков их превращают. Кто их потом искать будет! – От этих мыслей у Ника стали отниматься ноги и перестала соображать голова. – Саньку хоть в волка превратили, а меня убьют, наверное, раз их тайны узнал.

После этих тяжелых раздумий он стал с подозрением относиться ко всем и к Герману тоже. Подошедший неожиданно сзади шаман напугал его до смерти своим появлением.

– Надо всем идти к Александру, сегодня последний день, когда его можно вернуть, так мне духи сказали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.